

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Мама. (Мистико-эзотерический рассказ). Часть 1

С небес на Землю — Маленький мой — тихо шептала она своему сыну — Тише не шуми пока. Тише — сверкая огненным светом синих горящих глаз и распутив в стороны светящиеся астральным светом ангельские похожие на птичьи крылья, она шептала ласково, будто распевая ему колыбельную вполголоса трелью слившихся воедино нескольких голосов — Мама не оставит тебя. Мама придет за тобой, когда наступит время — Зильземир прощался со своим ребенком в доме рыбака. Его жены и двух маленьких дочерей. В доме на берегу древнего Тибра недалеко от самого Рима.

Он спустился с Небес в этот дом в ярком свечении лучистого астрального света. В момент отсутствия в нем его жителей. В жалкую крестьянскую рыбака из дерева и глины лачугу.

Он спешил. Спешил оставить здесь своего маленького ребенка. Своего сына. Сына Небесного ангела.

Так было сейчас нужно. Просто было необходимо.

Там, откуда он пришел ему, теперь не было места. Там была настоящая война. Между Богом и ангелами. Сколько их там пало из-за его любви. Любви к своему повелителю и Богу. Сколько не сумевших понять этой безумной ангельской неудержимой любви. Итогом которой, был их общий Небесный сын.

Зильземир изгнанник! Зильземир не прощенный! Зильземир падший! Он изгнан сам на эту проклятую самим Богом землю.

Его гнев! Гнев любимого! Гнев за свою же к Зильземиру любовь! Любовь, пошатнувшую законы Рая! Его же созданные им же законы!

— О, мой Создатель и мой любимый! — подняв к небесам светящуюся в длинных и парящих светящихся ярким пламенем волосах безумно красивую лицом голову, Зильземир произнес — За, что ты караешь меня! За что ты караешь своего маленького сына! Моя любовь к тебе безгранична! И я не виню тебя за твой выбор! Но пожалей своего сына! Мой господин Неба! Зильземир опустил, горящий синим огнем, свой взор своих красивых наполненных слезами и неудержимой любовью и горем синих глаз на светящееся ангельским, как и он, светом перед ним маленькое и живое создание. Лежащего перед ним на столе рыбака в рыбацкой избушке и улыбающееся своей любящей его матери, что-то лопоча детским писклявым голоском. Пускающего слюнявые детские младенца пузыри и превращающегося постепенно в обычного земного ребенка.

— Маленький мой — пел Зильземир на нескольких языках, своему отпрыску от Бога, прикасаясь нежно руками и пальцами к нему в драгоценных неземных изумрудах перстнях и кольцах — Папа простит нас. Придет время и он простит нас. Простит твою мать за ее к нему любовь и безумную красоту. Сумевшую затмить его Божественный разум. Нужно только подождать — он услышал голоса недалеко от этого покосившегося маленького дома на краю Селенфии, деревни рыбаков и крестьян у самой практически воды вблизи Апиевой дороги выложенной и вымощенной руками пленных рабов большим булыжником.

Зильземир сверкнул светом синих своих астральных небесного ангела глаз и в отчаянии произнес, тихо наклонившись и целуя малыша, своему сыну — Запомни свою маму. Мальчик мой. Запомни ее, какой ты ее сейчас видишь — роняя ангельские искрящиеся и превращающиеся в сверкающие алмазы слезы на машущего маленькими пухленькими

ручонками малыша. Малыша, ловящего его длинные волосы. Волосы сверкающие ярким астральным светом. И парящие в воздухе над склоненным над ним небесным ангелом. Волосы меняющие свою сущую истинную природу и цвет. Превращающиеся в обычные русые волосы земной женщины. Очень красивой молодой женщины. Женщины врезавшейся в память маленького ангельского ребенка. Женщины оставившей его здесь в маленьком свертке ткани. Одного на произвол судьбы в неизвестном доме и, неизвестном ему еще жестоком человеческом мире, совершенно поспешно, спасаясь от преследования и мести и гнева своего взбешенного небесного супруга.

Зильземир боялся не за себя. Он боялся за это маленькое существо рожденное ею. Там возле Божественного его Трона. Там у ног своего Повелителя. И он был в гневе. В гневе за свое временное и безумное помешательство. Помешательство от любви к ней.

Он очарованный небесной красотой Зильземира создал его. Этого малыша в ее утробе. И прейдя в себя, изгнал из Рая. Изгнал вместе с ребенком.

Он не мог простить себя за это временное безумие, посеявшее зерно раздора между ним и его подчиненными. Нарушив свои им же созданные законы, он преступил сам их, перед лицом всех, кто был в его подчинении в Раю.

Эта их двоих безумная и страстная любовь переполошила все Небеса и вот Зильземир спешит. Спешит оставить его сына здесь в этой жалкой рыбацкой лачуге. Чтобы замести следы, и спасти себя и уберечь его этого маленького малыша. Маленькое ее ангельской утробы творение. Он спешит от войны там наверху. Оттуда, где врагом стал ей сам ее любимый и чуть ли ни все Небесные ангелы. Где все стали друг другу непримиримыми врагами и многих уже нет. Нет тех, кто заступился за Зильземира. Они убиты руками своих же братьев и самим Богом. А те, кто остался там жаждут только отмщения и смерти ему ангелу, сбегавшему с Небес из родного Отцовского дома.

Ему не остается ничего, как только так поступить и спрятать ребенка. Бросив его здесь и прячась самому в облике этой несчастной плачущей женщины. Прячется самой от преследования и быть где-то с ним незримо и охранять его, присматривая со стороны.

Почему он поступил так?! Зильземир не мог его понять. Почему так все вышло? Но этот его и ее общий ребенок переполошил там всех наверху. И разозлил его.

Всему виной бесполоая любовь. Любовь между ангелами. Ангелами, не имеющими пола. Таковыми изначально рожденными и созданными из астрального света самим Создателем, ревностно охраняющим законы безбрачия в своем Мире.

Всему виной эта возможность менять пол при желании, и лишь разница в том чего больше. Больше ты женщина или мужчина.

Разница в самом сердце, разуме и душе самого ангела. Разница, определяющая сам пол Небесной сущности.

И вот теперь он сам создавший этот Небесный мир и их, сам стал жертвой безумной любовной страсти. Сам основоположник всех сводов и законов мироздания и бытия, сам перешагнул черту дозволенного. Потому как сам не имел пола. Эта неискоренимая особенность всех рожденных в Хаосе Левиафанов. Всех его братьев и сестер. Природа его матери. Великого дракона Хаоса. Природа самой Тиамат.

Он Бог, сын самой Тиамат. Самого дракона Хаоса. Сын, созданный из ее энергии и сотворивший свой мир из самого себя. Сын, отрекшийся от ее мира и создавший свой мир, не смог изменить то, кем был сам рожден изначально. И не смог создать то, что не уподобилось

бы ему самому и что навлекло несчастья в созданном им же Небесном Раю.

Этот им же созданный из яркого лучистого астрального света небесный ангел. Этот ангел, красота которого совратила его. Его самого Бога. Создателя всего сущего и несущего. Красота Зильземира. Красота самого красивого ангела в его Небесном Раю. Красота, принесшая раздор и войну в его мире, за что он не смог ее простить. Именно ее, а не его. Потому как именно этот ангел был в своем разуме и душе, на свою же беду, больше женщиной, чем мужчиной.

И вот она оставила своего сына в этой жалкой крестьянской рыбака лачуге на берегу Тибра и, простившись с сыном, быстро растворилась в воздухе, покидая его и этот дом в тот момент, когда на пороге его уже появились хозяева. Рыбак уже не молодой и потрепанный своим крестьянским положением и его жена с двумя маленькими дочерьми.

— Я вернусь за тобой — сказала она, исчезая у ребенка на его глазах. Сверкнув горечью синих как океан, заплаканных слезами женских глаз, напоследок своему совсем еще маленькому небесному сыну — Я вернусь за тобой и верну тебя в Рай.

Часть I. На Апиевой дороге

— Едут! — Ганик под чириканье на улице воробьев и карканье ворон, ворвался и влетел в избушку как ненормальный с выпученными глазами — Едут! Трое! Три всадника едут в Рим! — он пробежал до деревянного стола, где у очага рядом с ним возилась его приемная земная мать — Мама! А где Урсула и Камила?! — он, громко запалившись слегка от быстрого бега, прокричал, кареглазой женщине. В старенькой, крестьянской изношенной уже до дыр длинной до пола подпоясанной простым тонким поясом из холстины тунике, прямо на голое тело, и на босую ногу. С забранными в хвост длинными и торчащими во все стороны вьющимися уже с сединой черными волосами. — Что ты так разорался сын — Мать, аж, вздрогнула — Весь дом переполошил — Они еще спят. Кто едет?

— Всадники мама — уже спокойнее произнес Ганик — Я слышал от ребят сам едет Германик и командующий легионами Блез. Они едут в Рим. К императору Тиберию.

— Я хочу увидеть Рим — он не видел и не был с рождения в нем, хотя Ганик с сестрами и матерью жили буквально у него под боком. Он не видел римских воинов всадников. Приемная мама всегда прятала его, маленького, как кто проезжал по этой дороге мимо Селенфии и их старенького перекошенного временем крестьянского дома.

— Я не пущу тебя туда и ты это знаешь — мама ответила Ганику — Я боюсь за тебя сын мой — она отошла от печки, где варилась опять рыба, и запах стоял на весь дом — Камилла и Урсула спят еще. Ты же знаешь они еще маленькие. А ты вырос вперед их. Кто ты, я и не знаю до сих пор — она говорила высокому и здоровому широкоплечему парню, на вид лет уже двадцати девяти или тридцати. Одетому, тоже по-крестьянски в короткую до колен тогу, с короткими рукавами и сильными, мускулистыми голыми руками до самых плеч и ногами на босу тоже ногу — С того момента как нашли тебя здесь в этом доме. Твой возраст я не могу определить и не знаю, откуда ты Ганик. Сыночек мой. И я боюсь за тебя. Особенно после того как умер Митрий, твой отец.

Отец Ганика, тоже приемный уже в годах рыбак. Намного старше, лет пятидесяти с лишним, приемной его матери. Которая была сорока лет. Но уже выглядела довольно измученной от такой вот крестьянской нелегкой жизни.

Приемный отец Ганика Митрий Пул утонул в Тибре. Пошел рыбачить и утонул. Вообще не ясно даже как, но его нашли мертвым уже на берегу и похоронили недалеко от селения

Селенфия. Говорят, видели даже, как он выполз на берег, но нахлебался воды и не смог прийти в себя. И вот Ганик уже выросший, жил только с приемной не родной ему матерью и двумя сводными ему сестрами Урсолой и Камилой. На самом краю своей деревни в той старой завалившейся набок избушке.

— Скоро там будут гладиаторские игры мама — он разочарованно посмотрел на неродную свою очень заботливую о них всех мать — А я не был ни разу в Риме. Ни разу не видел гладиаторов, только от мальчишек слышал о них. Говорят они красивые и сильные все как один, и есть даже школы, где их учат драться друг против друга на забаву горожан Рима.

— Я сказала, нет, значит, нет — ответила строже мама — Мама! — он упрасивал ее еще как выросший, совершенно рано, и непонятно как до возраста практически взрослого мужчины — Нет мальчик мой. Все соседи и те знают, что с тобой, что-то не так. И они смотрят на нас косо и боятся. Я тоже боюсь, чтобы сюда не нагрянула какая-нибудь стража из города или солдаты. Узнай о тебе и какой ты.

— Тем лучше если я уйду отсюда, когда-нибудь — он произнес уже серьезнее — Я уже взрослый практически.

— Ты еще ребенок Ганик — произнесла мать и подошла к своему приемному сыну — И это еще больше беспокоит меня. Просто ребенок, выросший очень быстро и не по понятным причинам. И хорошо, что мы живем на большом отдалении от остальных соседей, и они тебя редко видят и быстро забывают о тебе. Но это временно. Когда-нибудь все равно случится что-нибудь нехорошее. И я это чувствую Ганик.

Ганик поцеловал приемную мать. Она ему опять напомнила кто он. Но кто, он не знал, и не знала, ни она, ни сводные сестры, ни его покойный рыбак отец.

Ганик видел странные сны. Странные и настолько четкие и ясные, что сам их не мог объяснить.

Он видел себя почти постоянно бредущим по какой-то неземной пустыне. Сплошной бесконечной и бескрайней пустыне. Почти все время в одном и том же эпизоде и месте. Подымающим под собой босыми своими ногами с ее поверхности песок и пыль.

Этот сон он видел с самого малолетства. С разницей ощущений себя в них от десятилетнего мальчишки еще совсем до уже вполне взрослого молодого лет тридцати мужчины. Именно в этом возрасте он начал видеть эти сны и видеть ее. Странную. Бредущую чуть поодаль от него в оборванном в подоле истрепанного рубища платья. Еще не шибко старую, вполне привлекательного вида черноволосую женщину, которая даже общалась с ним в тех снах и называла его своим сыном.

Раньше она была моложе, когда он был совсем маленьким. Когда она оставила его в избушке рыбака и его жены, и он странным образом запомнил ее тогда гораздо, более молодое лицо. Так ему казалось.

Но прошло, не более, пяти лет, и вот она уже несколько изменилась. Изменилась в его тех странных снах и стала несколько старше, но по-прежнему называла его своим родным сыном и клялась в любви к потерянному ребенку.

Кто она? Кто эта женщина? Называющая себя его матерью?

Он рос слишком быстро для человеческого ребенка. За пять лет он вымахал в почти взрослого здорового не обиженного здоровьем и силой мужчину. На вид лет тридцати. Но был внутри, как, ни странно мальчишкой лет пятнадцати. Прошло немного совсем лет, а его возраст был еще как у мальчишки. Выглядел Ганик уже как взрослый лет тридцати мужчина

и внезапно остановился на этом. Не взрослея и не молодея. Странно это было как-то. Опередив в росте и физическом развитии своих сводных десятилетних сестер близняшек, которые были старше его тогда, когда он появился неизвестно откуда у них дома. Совсем практически еще грудным малышом и вырос за эти пять лет во взрослого мужчину. Пугая самих сестер и приемных обоих родителей. И вот они сейчас его сестренки еще лет двадцати молодые совсем кучерявые с русыми и черными волосами девчонки, с синими и карими игривыми глазами, а он уже почти взрослый мужчина. И это за какие-то пять лет.

Старый рыбак его приемный отец, до того как погиб, прятал его с его приемной матерью даже от соседей. Всем потом говорили, что он от умершей сестры его жены. Но те все равно видели, как Ганик рос. Ото дня ко дню физически выправляясь в красивого молодого сильного физически и довольно крепкого и здорового мужчину. Даже местные молодые деревенские по берегу Тибра крестьянки. Двадцатилетние пылающие любовными страстями и фантазиями девицы. Стали приставать к Ганику со своей любовью. Хотя он не понимал еще, что это такое. Он был внутренне по разуму еще лет пятнадцати. Совсем мальчишка. И не понимал, всего, чего хотят эти резвые на выданье и необузданные в плотских желаниях по отношению к нему крестьянки. И мама его приемная всегда отгоняла их от него. Она заботилась о нем, понимая все и то, что он был странный в развитии и необычный ребенок. Она Сильвия так ее звали, понимала, что Ганик появился не просто так и он не был даже совсем человеком и когда-нибудь все изменится, и он измениться в корне его судьба. Но до этого момента она берегла его, как и своих дочерей. Он был ее хоть и приемным, но единственным теперь сыном. Сыном одинокой теперь крестьянки.

Ганик хотел сам не знал чего, но это чего тянуло его за собой. И его любопытство еще ребяческое любопытство и желание помочь своей приемной семье стало его заботой. Он мечтал вытянуть свою эту приемную семью из того места где они были и помочь хоть как-то улучшить свою крестьянскую жизнь.

Он рвался в Рим. Он знал, он чувствовал, что там его ждет судьба. Неизвестно еще какая, но интересная судьба. Что-то тянуло его туда. Туда где он еще не был ни разу, но очень хотел.

На каменной дороге из крупных больших булыжников появились всадники. Целая группа всадников в блестящих военных доспехах. Сверкающих на ярком солнце и на их красных военных одеждах. Коротких красных туниках, которые носили исключительно только высшие воины Рима. Украшенных красивой золоченой оборкой по нижнему краю и коротким рукавам. С широкими с золотыми бляшками поясами белтеусами перекрещенными и связанными на бедрах солдат римской гвардии и мечами гладиями и кинжалами на них. В солдатских сандалиях, похожих на сапоги, закрывающие почти целиком голени ног калигах. В блестящих медных шлемах с гребнями птеругами с оформлением из страусиных разноцветных наверху перьев. В красных широких застегнутых на правом плече медной пряжкой фибулой отороченных золоченой оборкой по нижнему краю, как и их одежда, длинных воинских плащах лацернах. Их было больше, чем трое. Еще к троим трое. Казалось, они ехали прямо в саму Селенфию. Всадники верхом на украшенных красивой военной попоной и сбруей лошадях, подымая пыль на дороге, спешили в Рим.

И может на беду, а может на само счастье, проезжали мимо дома Ганика. Дом Ганика и его сестренки и приемной матери как раз стоял совсем недалеко от этой Апиевой дороги и первым с этой стороны самой дороги.

Чуть не сбив ногами на пороге с воробьем в зубах домашнюю кошку, Ганик выскочил из своего крестьянского рыбацкого дома в момент как раз к их появлению. Он подлетел к краю самой Апиевой из вымощенного булыжником запыленной ветрами дороге. Стоя там босоногий в своей рыбака крестьянина дряхлой из грубой бараньей шерсти, как и у его приемной матери Сильвии одежде.

Первым ехал сам Германик, племянник Тиберия по родственной линии Юлия Октавиана Августа. Сын Нерона Клавдия Друза старшего, брата Тиберия Клавдия Нерона. Германик Юлий Клавдиан был сыном его родной сестры Октавии. И мать Тиберия всегда Тиберию напоминала об опасности захвата власти, которой Тиберий боялся. Боялся из-за популярности Германика Клавдиана среди солдат легионов. Он был легатом половины легионов императорской армии, и главным Тибуном и представлял для Тиберия определенную военную опасность. У самого же императора Тиберия власти такой и популярности не было. Кроме того у Германика было много детей включая самого Будущего императора Гая Германика Калигулу, но это дальнейшая история, не имеющая к этой уже близкого отношения.

Так вот первым ехал Германик Юлий Клавдиан. За ним чуть сзади военачальник и правая рука Германика и такой же подчиненный, как и теперь императору Рима Тиберию тоже легат и генерал Гай Семпроний Блез. Рядом с ним еще один бравый солдат и ветеран Рима, и ординарец самого Гая Семпрония Блеза, центурион Октавий Рудий Мела. А следом еще трое. Двое младших командующих, центурион Династий Римий Мерва и Сесмий Лукулл Капуллион. Тоже, при боевом оружии и такой же военной одежде. И еще один. Из числа гражданских. В короткой белого цвета с золоченной тоже оторочкой по нижнему краю и коротким рукавам походной одежде богатого римлянина и тоже в калигах как у военных. С кинжалом на гладиаторском поясе с металлическими бляшками и в сером плаще пенуле с рукавами на гнедой лошади. Лет где-то пятидесяти. С небольшим. Со смуглым лицом и зелеными из-под вздернутых бровей, на вылупку, маленькими, но не глупыми далеко хитрыми глазами. С небольшим пузиком под своей походной одеждой конника и седой не по годам полностью прямыми волосами головой с короткой, как и у всех военных стрижкой. О нем то и пойдет в дальнейшем речь.

Всадники, подымая копытами лошадей, подъезжали к стоящему на обочине дороги любопытному и с интересом смотрящему на них Ганику.

Он на свою беду, а может и на счастье, стоял один здесь, и никого не было как раз рядом. Все кто знал о прибытии верховых едущих в Рим, тоже выбежали из своих жилищ, но были ниже по самой Апиевой дороге. Вот Ганик и оказался тем, кто первый попался на глаза конникам в красивых сверкающих на ярком солнце раннего утра блестящих медью доспехах и красных плащах.

Первый едущий всадник поднял вперед и вытянул раскрытой ладонью вниз в приветствии ему Ганику правую в перстнях руку.

Обычно так приветствовали высокородные римляне друг друга или военные. Так же приветствовали самого императора Рима. Но Ганик этого не знал и тоже в ответ поднял так же, вверх и ладонью вниз впереди себя вытянутую руку.

Всадники, было, видно удивленно переглянулись и слышно было, как захохотали, подъехав к стоящему Ганику.

Лошадь первого из них в красном длинном плаще и в золотистых военных доспехах и шлеме

остановилась прямо у самого Ганика.

— Ты видно глупец или очень смелый человек! — громко произнес всадник — Коль сделал тоже самое! — он не переставал хохотать, присматриваясь к молодому на вид неплохо сложенному парню.

Всадник был тоже молод и высокого роста.

— Как тебя звать смельчак? — перестав смеяться, как и за ним, остальные всадники уже спокойнее произнес первый всадник, сидя на лошади.

— Ганик — произнес Ганик — А вы кто будете? Вы сам Германик?

Всадники все переглянулись, а первый смотрел, не отрываясь от Ганика, и заулыбался, глядя на молодого крепкого парня. Его серые бесцветные широко открытые глаза, на мужественном прямоносом с легкими морщинами молодом лице лет тридцати пяти умудренного военным делом воина, уставились на Ганика.

Он, молча слез с коня и встал перед молодым здоровым парнем. Он, молча, взял его правую руку в свою в перстнях мужскую воина руку. И посмотрел на нее. Удовлетворенно и тоже молча. И взял Ганика за его плечи.

— Добрый может получиться воин — неожиданно он произнес и оглянулся на своих подчиненных, сидящих сзади за ним на лошадях — Как скажешь Блез? — он отошел несколько назад, словно давая возможность еще одному всаднику обратиться к Ганику.

Второй тот, кто был на лошади с левой стороны подъехал и поравнялся верхом и тоже слез с лошади и подошел к ним.

Он был ниже гораздо первого всадника. Несколько толстоват и коренаст. С морщинистым почти квадратным лицом, тоже прямоносый и уже старика, лет не менее пятидесяти на вид, но может и моложе, и тоже серыми бесцветными глазами.

Он, слез тоже с лошади и снял шлем с перьями и, осмотрел всего с ног до головы Ганика.

— Отлично сложен для воина — произнес тот, которого первый всадник назвал именем Гай Семпроний Блез — Сколько тебе? — он задал Ганику вопрос.

— Мне пятнадцать лет — ответил даже, не думая Ганик и не, понимая сам, что говорит, по своей детской еще наивности.

Второй всадник в годах посмотрел на первого слезшего с лошади раньше других и стоящего чуть отдаленнее от Ганика всадника.

— Пятнадцать?! — удивленно произнес первый высокий с серыми бесцветными глазами и видимо здесь самый старший конник воин.

— Выглядишь как взрослый вполне мужчина — он повернул голову к еще одному всаднику из заднего ряда и тот, поняв его жест, подъехав тоже на лошади, спрыгнул быстро на землю.

— Обрати внимание — произнес воин тот, что обратился к нему и позвал его взглядом — Мы нашли, кажется уклониста дезертира Октавий Мела.

Первый и самый главный из всадников смотрел, молча, и уже не улыбаясь на Ганика, держал парня за правую крепко руку. Он крепко сжимал ему кисть руки и пальцы, сдавливая мощной хваткой привыкшей держать меч гладий в бою, и смотрел в лицо Ганику. Словно ожидая от него, что ему будет больно. Но понял, что рука Ганика не слабей его руки, и не менее, крепче, чем у него ослабил хватку — Отличная крепкая хватка — произнес он — Как раз для того, чтобы держать меч — он отпустил и повернул голову к третьему, еще сидящему на коне тоже в блестящих доспехах с правой стороны воину. И тот тоже слез с коня и подошел к ним — Что будем делать? — он смотрел на Ганика не очень дружелюбно, но Ганик их всех не понимал.

Не понимал, что значит слово дезертир и уклонист.

Первый и видимо тот, кто главный высокий воин в блестящем в страусиных перьях шлеме отошел от Ганика назад и смотрел на него, он словно, что-то думал — Как твое имя? — он вдруг спросил Ганика еще раз — Почему не в армии? Ганик и понятия не имел, что это такое армия. Он молчал и не знал, как ответить.

— Что молчишь! — уже серьезнее и громко спросил второй из воинов — Отвечай сейчас же! — он положил левую руку на свой меч.

— А что такое армия? — спросил Ганик, действительно первый раз слыша это. Он прожил в своем доме со сводными сестрами и приемной матерью, и речь об армии не раз не заходила при их разговорах. Даже при еще живом приемном отце.

— Он видно дурак! — произнес громко третий воин, и подхватили, смеясь над Гаником еще двое, более младших воинов тоже в красных плащах с мечами гладиями на широких воинских поясах и сидящих на лошадях Сесмий Лукулл Капуллион и Династий Рудий Мерва, которых Ганик, тем более не мог знать. Один из них смеясь, крикнул — Потому и не в армии!

— Но неплохо сложен Октавий — спокойно ответил с короткой стрижкой человек с зелеными хитрыми на вылупку маленькими глазами. Слезший с лошади и подошедший к стоящим военным, в гражданской короткой до колен и короткими рукавами до локтей, как и всех конников воинов, дорожной серой от пыли уже одежде. Тунике до колен с золотой вышивкой по краям в отличие от остальных. С серым поверх с рукавами длинным узким плащом пенулой. Застегнутом тоже фибулой на правом плече из обычной меди с вычеканенной львиной головой, и тоже подпоясанный широким с металлическими бляшками поясом. Стянувшим его хорошо выделяющийся округлый животик лет сорока девяти уже поседевшего головой мужчины. Сразу видно было, что этот человек был, по прощам в сравнении с другими конниками.

Это содержатель школы гладиаторов при Риме Хароний Магма.

Весомая фигура в среде ланист, как и его школа гладиаторов. Он был человек завидной справедливости и честности. Правда со своими интересами и грехами внутри своей столь кристально чистой души. Но если не брать это во внимание, то человек в отличие от многих довольно порядочный, но весьма жесткий, расчетливый и порой хладнокровный, и даже иногда циничный. Особенно когда касалось споров на деньги. И большие денежные ставки. У ланисты Харония Магмы была отличная гладиаторская школа при самом Риме, и он уже долго ехал верхом со всеми на лошадях.

— Верно Германик? — он обратился по имени к главному воину. Оценивая физические данные на вид и глаз парня — Если он немного и вправду не в себе я его в качестве наказания за дезертирство заберу к себе в гладиаторскую школу.

Главный воин в красном длинном и широком воинском плаще с пряжкой фибулой на правом плече, отороченной по нижнему краю золотой каемкой, посмотрел одобрительно на просьбу человека из гражданских.

— Хорошо — произнес тот, кого называли главным легатом и трибуном Германиком — Он твой. Слышешь полоумный! — он громко обратился к молчавшему теперь как рыба и напуганному уже Ганику — Ты теперь его человек. Раз он заступился за тебя. Не подведи его. Ганик тогда не понимал еще, что этот человек заступился за него. И неизвестно, чем бы для него закончилась эта встреча. Если бы не этот заступник из гражданских. Оказавшийся, наверное, неслучайно рядом в числе конников военных.

— Прошу вас господин! — вдруг раздался голос матери Ганика. Голос буквально напугал всех своим криком и все вздрогнули и повернули головы на крик бегущей по дороге от дома Сильвии, приемной матери Ганика — Прошу вас господин! — она кричала на бегу, приподымая подол своего крестьянского из холстины платья. Подбегая к стоящим у Апиевой дороги военным конникам легионерам — Прошу вас господин не убивайте моего сына! Я молю вас господин!

Она, подлетев, упала на голые свои женщины колени в пыль самой дороги перед всадниками. И прижалась к голым жилистым ногам стоящего Ганика головой — Он у меня единственный сын! Я виновата, что прятала его от армии! Я должна отвечать за это! Пощадите моего ребенка! Он немного не в себе, господин!

— Нужен он кому-то — проговорил, брезгливо делая свое мужественное лицо, главный всадник воин — Ответь только мне женщина — произнес громко он — Он у тебя нормальный? — Простите господин! — она продолжала рыдать, словно не слыша и не понимая его, и прижиматься седеющей растрепанной на ветру головой к ногам молодого на вид взрослого здорового и сильного парня. Она тряслась вся от страха и боли, и Ганик так и не мог понять, что происходит. Он тоже упал рядом с матерью на колени и, уставившись тупо на военных, молчал.

— Они, наверное, все здесь ненормальные — произнес третий в доспехах воин в блестящих на солнце доспехах и в красном плаще центурион по имени Октавий Рудий Мела — И мать и ее этот дурак.

Сильвия прижалась к своему приемному сыну, защищая его, как только можно.

— Подыми мать на ноги недоумок! — произнес тот, которого называли Блез.

— Замолчи! — произнес главный всадник по имени Германик, обращаясь к Блезу, и сверкнув недобрый взглядом серых бесцветных из-под военного шлема с перьями глаз — Я буду решать и говорить сейчас, как быть дальше и что делать.

Первый воин в золоченых красивых доспехах и красной военной короткой тоге и красном длинном плаще, подошел к Ганику — Ты знаешь, кто я? — он обратился к нему и, не дожидаясь ответа, произнес — Я командующий императорских легионов Рима Германик Юлий Клавдиан. Я брат самого императора Рима Цезаря Тиберия Клавдия Нерона. Ты хоть знаешь такого? Кто это? — он замолчал ненадолго и смотрел, не отрываясь на уже самого напуганного стоящего с сидящей у его ног матерью Ганика. Ганик и впрямь мало чего знал. Кроме того он напугался не на шутку уже за себя и свою ревущую горькими слезами мать. И, понимал, что дело худо, и поэтому молчал, считая вообще ничего не говорить теперь. Он догадывался кто есть кто и до того как Германик назвал свое имя, но промолчал. И он не был дураком. Так как его обозвали, его сильно задело. Хоть он был еще в душе непогодам выросший во взрослого мальчишка.

Мать его берегла ото всех и прятала как какую-нибудь драгоценность. И не пускала далеко от своего дома. А он покорно слушался ее как приемный сын. Совершенно не перечая матери. Он любил ее, хоть она и была приемной матерью, но, все же была его мать.

— Ты видно и впрямь безумный — произнес он и молча, отвернувшись, сел на свою лошадь. За ним последовали остальные.

Главный воин, которого звали Германик, уже с лошади, дернув красивую золоченую сбрую, посмотрел на Ганика и его сидящую у его ног мать. Он одернул свой по сторонам свисающий красный широкий с золотой по краям вышивкой воинский плащ, поправил гладий, висящий

на широком воинском с золочеными вычеканенными узорами бляшками поясе и кинжал. И произнес громко, чтобы все слышали — Раз он у тебя полоумный — он обратился к рыдающей от страха за приемного своего сына Сильвии — То пусть сидит дома и не лезет на проезжую дорогу. Не ровен час задавят.

Поехали?! — он скомандовал остальным, и воины быстро поскакали по Апиевой дороге в сторону Рима. взрослым почти на все тридцать лет мужчиной. Его в деревне рыбаков держали и впрямь за ненормального. Все мальчишки. Потому, что он играл с ним как дурачок. И может, поэтому никто особо не обращал на такое необычное физическое развитие Ганика. Может поэтому никто не рассказал о таком чуде, думая, что это просто отклонение в природе. Или насмешка Богов над природой человека. Но Сильвия боялась за сына. Боялась потому, что знала правду. Не всю, но правду. Она встречалась втайне от своего мужа, утонувшего рыбака с одной странной еще довольно на вид молодой женщиной. Женщиной очень похожей на нищенку или бродяжку. Встретившись с ней не далеко от их дома. Она приходила со стороны Рима в Селенфию по Апиевой дороге. Та женщина, несколько странная с виду и по манере общения, сказала и предупредила о том, чтобы она берегла его как родного сына. Что он будет таковым, каким сейчас есть и лучше его,

чтобы держали за ненормального. Это будет меньше привлекать к нему внимание даже соседей.

Сильвия не знала кто эта женщина, но советам вняла.

— Мама — произнес Ганик — Мама — он поднял ее с земли — Что они говорили про армию? Что такое дезертир? Почему ты так напугалась за меня и просила их, меня не трогать? Я же им ничего не сделал?

— Глупыш — выплакавшись, она прижала его к себе и прижалась к нему сама — Глупыш ты мой — она, оторвавшись, посмотрела на него, в его взрослого мужчины мальчишеские глупые еще глаза — Не делай так больше. Понимаешь меня? Не расстраивай маму.

Ганик обнял сильными своими молодыми руками, молча, приемную свою мать Сильвию и они пошли с Апиевой дороги назад, под громкое чириканье прыгающих по земле маленьких воробьев к своей рыбацкой завалившейся, почти уже набок одинокой от всех крестьянских рыбацких домов хижине.

Он, разгоняя каркающих ворон, спустился с Небес в ярком астральном свете и теперь стоял в пыли дорожной обволакиваемый поднятой его собственными крыльями серой пылью. Он смотрел вслед уходящей сорокалетней женщине и ее молодому сыну.

Он искал его настоящую мать. Это его была цель.

Он посланник с Небес и он должен был успеть, сделать то, что не успеют сделать посланные как он другие. Они тоже ищут ее. Но он сбил их с пути. Так надо. Так надо ему самому. У него личные счета с тем,

кто был ему нужен. Тот, кто должен быть где-то недалеко от этих мест. Мест, где живет этот взрослый еще совсем мальчишка.

Ганик ему был не нужен сейчас. Он искал его настоящую мать. Он искал Зильзерима. Это была его первостепенная цель. Цель этого красивого чернявого с горящими как огонь глазами ангела.

Зильземир, беглый ангел. Зильземир преступник для них и всего Рая.

Он сложил крылья и принял видимый вид. Принял облик взрослого, но молодого очень красивого черноволосого миловидного на вид мужчины с почти, женским лицом в длинной до самой Апиевой дороги сутане. Сотканной из ярчайшего живого света. И светящейся странным ярким небесным астральным светом вдвигающихся по ней и ее плавно перемещающимся по его телу складкам живым звездам и галактикам. Его длинные черные, вьющиеся на невидимом ветру волосы были до самого пояса и его узкой талии.

Подпоясанной широким сотканным из звездной пыли в небесных изумрудах бриллиантовым поясом с большой такой же изумрудной пряжкой.

Миллемид сложил на груди свои руки крестом, прижимая окольцованными перстнями тонким с драгоценными небесными изумрудами тонкие как у женщины пальцы к мужской молодой груди и, поклонившись земле, вошел в обитель землян.

Ангел Неба, плавно переступая по незнакомой его еще ногам твердой опоре из камня, пошел быстро по Апиевой дороге. Переступая плетеными золочеными сандалиями в изумрудных пряжках под оставляющей светящийся в воздухе след на ветру своей ангельской одеждой ногам.

Он направился в сторону, которой уехали всадники. Его не интересовало сейчас ни жилище Ганика и его приемной матери с

сестренками. Ни их Селенфия, рыбацкая крестьянская деревня. Он направлялся прямо в сам Рим.

— Я найду тебя — произнес, смотря впереди себя Миллемид, сверкая огненно красными горящими огнем и становящимися мгновенно черными, как ночь глазами — И тогда поговорим Зильземир, любимец мой. Мой красавец Небесный и ненаглядный любовник. Любимец самого Всевышнего. Прячься от меня, где хочешь, я найду тебя беглец — произнес очень красивый лет на вид тридцати молодой миловидный как женщина брюнет — От меня не сбежишь.

Он знал, где искать Зильземира. Он один напал на его след. След беглеца. И он спешил. Он должен его найти пока можно. Пока до него не добрался Гавриил или Архиомид. Пока у Трона Бога в прикрытии стоит Михаил, надо было вернуть беглеца Зильземира.

Его цель могла принять любой облик. От бродяги старика до красивой богатой римлянки в красивых нарядах. И придется досконально обыскать каждый уголок древнего города на Тибре.

Он превратился в черную скользящую по булыжникам Апиевой дороги тень. Которая понеслась со скоростью пущенной стрелы туда, где должен находиться тот, кого эта тень искала.

День был на исходе и темнелось. Близились ночь. Хароний Магма, попрощавшись с путниками и с доброго разрешения Германика, верхом отсоединился от группы конников, спешащих в сам Рим, и поехал в сторону своего имения Олимпия. Он спешил в гладиаторскую школу. Туда где он давненько не был и не знал, как идут сейчас дела в его школе. Как идут тренировки гладиаторов. Мало того, он ехал с новой новостью. С новостью о предстоящих вскоре боевых соревнованиях и играх на арене Рима. И еще он был рад тем, что нашел еще одного будущего по его мнению подрастающего воина. Он нашел его между Валенсией и Римом. Прямо на дороге. Прямо на проезжей дороге. И причем

недалеко от самого Рима. И не важно, какой он на голову, главное он здоров и силен и Хароний знал это. Он это знал просто на глаз. Он Ланиста Олимпии, знаменитой на весь Рим школы гладиаторов. Школы достойной большой арены Рима и вечной соперницы школы гладиаторов из Капуи, Помпеи, которым он сможет бросить снова вызов. И он нашел то, что надо. И пребывал в хорошем теперь настроении.

Он, сбросил на ходу, прямо на пол свой серый от пыли пенулу плащ и кожаные такие же запыленные пылью калиги. Идя босиком в свой на

вилле ланисты гладиаторов кабинет, приказал прямо с дороги рабам и слугам, приготовить ему бассейн с горячей водой и распорядился принести много еды и вина.

Он вообще любил хорошо поесть. Особенно любил фрукты из своего сада при своей загородной с колоннадами и скульптурами богов довольно богатой вилле, в зарослях оливковых деревьев и персиков, которая и была гладиаторской школой по совместительству. И напивался частенько вдрызг. А еще он любил ходить на сторону. И это знала его исполняющая роль супруги Сивилла. Красивая темнокожая мулатка рабыня, купленная им у своего знакомого сенатора Лентула Плабия Вара, и ставшая первой рабыней у хозяина.

Сивилла была доверенной старшей в его доме, и теперь заправляла на вилле Харония Магмы в его долгое отсутствие. Вместе с доверенным и здоровенным высоким негром эфиопом Ардадом, тренером гладиаторов в прошлом ритарием, который держал дом в стальных тисках и всем давал постоянно нагоняя и присматривал тоже за хозяйством и самой Сивиллой, по наставлению Харония.

Сивилла была, порочная, как и большинство всех женщин рабынь, да и вообще всех женщин Древнего Рима, и похотливая весьма женщина, как впрочем, и сам Хароний. И жила в свое удовольствие. Но на правах практически неофициальной супруги ланисты школы. И об этом мало кто вообще знал, даже в среде его друзей и знакомых. По сути, Сивилла и была его супругой, так как у Харония Магмы не было вообще официальной жены и единственное, что их объединяло его с рабыней по имени Сивилла это сама школа и домашнее хозяйство. Где Сивилла выказала незаурядные способности в управлении самой школой в его отсутствие и управление прочими хозяйскими делами и самими слугами в самом имении. А главное школа при Сивилле расцвела и обустроилась. И Хароний был доволен, что появилась у него вот такая хозяйственная и еще к тому же очень молодая лет не старше тридцати не плохая весьма на внешность и фигуру рабыня. С черными длинными дико вьющимися завитушками волосами и темной смуглой кожей. Черноглазая красивая с полненькими алыми губками и гибкой тонкой талией, как бестия Алжирка. Как сам отзывался о ней Хароний. Дикая и словно, вечно не объезженная лошадь для быстрого заезда. При том при всем заботливая, что касается услуг к самому Харонию, как рабыни и доверенная, на которую можно в свое отсутствие положиться. Так иногда он тоже отзывался о Сивилле, когда не напивался до дури. А это случалось у Харония довольно часто. И особенно после ее танцев нагишом возле его бассейна, наедине и ночью. После чего они занимались всю ночь любовью прямо в самом бассейне. Но в отсутствие Харония Сивилла, например, частенько ублажалась в отсутствие гладиаторами школы. Хароний это знал и не препятствовал. Так как Сивилла была из своих же рабынь. И давно близко со всеми здесь снюхалась, еще до получения близкой доверенности и права быть первой рабыней в доме Харония. Приблизившись к уровню жены. Но так и не став ему

женой. Она здесь так и жила между всеми к кому подкатит. И Харония это не волновало, потому, как не выходила Сивилла за порог самой школы и самого имения. Это было главное. И никто не видел, что твориться в пределах виллы Харония и его гладиаторской школы. Школа охранялась самими гладиаторами под командованием бывшего гладиатора Ритария Ардада, который тренировал гладиаторов. Этот высоченный под два метра раб негр, лет сорока пяти, был еще и личным охранником самого ланисты Харония Магмы и был главным охранником его имения. Он образовал из профессиональных уже ветеранов школы свое подразделение охраны школы ланисты, назначенными в охранники гладиаторами, которые уже не дрались на арене из-за серьезных увечий, но не получили вольную и жили на довольствии Харония за свои боевые перед школой заслуги. И никто не мог без дозволения хозяина, выехать и проникнуть на территорию школы ланисты Харония Магмы.

И Сивилла придерживалась этих правил и дорожила своим местом и управляла имением почти на равных правах со своим хозяином.

Но она сидела взаперти. И Хароний Магма не разрешал ей, как и другим рабам и слугам совершенно высовывать нос за пределы имения.

Хароний Магма долго отсутствовал и не знал о ряде перемен ожидающих сам Рим. Он еще не был готов к такому. Он не знал, что скоро не станет его друга Германика и еще некоторых знакомых ему людей и консулов и сенаторов самого Рима. Об этом позаботится сам император Тиберий со своей матерью Ливией. И что он сам станет жертвой заговора, как и его гладиаторы. Что сам будет на волоске от собственной гибели. Это случится в скором времени. Что его судьба будет скоро совершенно неразделима с теми, с кем он делил свой кров за окраиной Рима.

Он долго отсутствовал вместе с военными. Он хотел найти себе новых рабов воинов. И привезти их прямо с поля боя или из плененных легионами деревень из восточных Земель после набегов римлян на кочевые племена. Чтобы не покупать рабов на рынке.

Но не вышло. Получился полный облом с бесплатными пленниками. И ему пришлось возвращаться ни с чем.

Но Хароний Магма присмотрел себе уже одного воина. Присмотрел нового гладиатора для своей школы. Но пока молчал об этом, делая равнодушный вид на все вопросы Сивиллы, которая плавала теперь с ним в его бассейне голой. Блестя перед ним красивым молодым мулатки женским телом.

— Что-то ты молчишь совсем любимый, и не говоришь, как были твои дела, там, в дальней поездке — произнесла Сивилла, подплывая к Харонию и прижимаясь к ланисте Олимпии.

— О чем хвастаться — произнес в ответ ланиста — Пока нет нужного мне товара в тех кровавых и жестоких варварских землях. Попадались одни недокормыши и дохляки, а сильных всех побили. Дохляков смысл брать, не доедут даже до Рима. Передохнут по дороге.

Слуги в коротких туниках и служанки, поднесли фрукты и вина, и Хароний выпил и обнял Сивиллу.

— Ну и чем будем заниматься сегодня ночью? — произнес он Сивилле — Я так долго устал от воздержания. Ты тут без меня, я знаю, не особо скучала.

— Может и так любимый — произнесла Сивилла и запрыгнула сверху на его торчащий вверх готовый к соитию член. Насаживаясь своим под волосатым черным лобком мокрым от

половых выделений раскрывшимся черными половыми губами влагалищем. На него, расставив вширь полные крутыми бедрами свои женские смуглые красивые, как она сама ноги рабыни алжирки.

— Ну и что — произнесла ему в ответ ни сколько не смущаясь и не обижаясь Сивилла — Я тебя все равно сегодня хочу Хароний — и она приклеилась губами к его губам. К губам уже не молодого сорока девятилетнего лысеющего и с округлым небольшим пузиком ланисты Харония Магмы.

Ганику снился опять этот сон. Опять тоже самое, и эта женщина. Женщина, называющая его своим сыном. Этот сон стал более частым сейчас, чем раньше. Он стал его видеть чуть ли не каждую ночь.

Сон помогал ему взрослеть. Он общался с той женщиной, и она ему, рассказывала об его Отце Боге, и Рае. Пока у них было время общаться.

Она вообще ему говорила, что он оттуда с Небес, а не с земли. Что он принадлежит Богу как и она. И самое главное она называла себя его мамой. Его Ганика мамой.

Ее это не стареющее еще молодое женское лицо. Во снах. Но почему-то? Седина в волосах ее. Она раньше была моложе. Он хотел задать ей этот вопрос, но чувствовал, что неудобно. Но это как-то связано и с ним. Что вероятно они одно целое. Она будто поддерживает его в этом мире. Поддерживает собой, отдавая ему частью себя.

Этот сон. Сон без конца и начала. С грудного возраста. Все пять лет. Пять лет, за которые он вырос во взрослого мужчину. Но в душе остался еще ребенком.

Женщина, говорила с ним о Небесном Рае. Об его Отце Боге и о Небесном золотом Троне и вела его по пустыне куда-то вдаль и открывала прямо в воздухе какие-то двери и в этот момент появлялись снова они.

Появлялись преследователи их. Их обоих, и молодая русоволосая женщина, буквально за руку его за собой выводила из того мира как бы в этот мир и растворялась в воздухе как бы Ганик не просил с ним остаться. Она говорила ему, что будет с ним всегда рядом и будет охранять его и поддерживать как может. А он должен жить ради нее и когда-нибудь они вознесутся на Небеса. После прощения.

Какого такого прощения? Ганик понятия не имел и этот навязчивый преследующий его постоянно очень реалистичный сон изматывал его психологически своими непонятными действиями. А главное он не знал точно кто эта женщина. Женщина, зовущаяся его матерью. Женщина, у которой были светящиеся крылья, и она летела рядом с ним.

Он ее не видел никогда. Лишь слабо помнил некое женское молодое над собой лицо. Лицо, склоненное к нему и что-то говорящее о любви и Небесах. Еще говорящее о том, чтобы он помнил его, то лицо с невероятно красивыми женскими глазами. И помнил яркий свет над собой и то лицо в том свете, и как оно превратилось в лицо женщины. И потом лицо исчезло, оставив что-то в его маленькой Ганика тогда сжатой руке.

Он хотел получше, расспросить приемную свою маму о той женщине, о которой говорила она ему одному в тайне и куда она делась. Но не решался как-то. Не мог понять почему. И что у него было в его детской тогда руке. Странно! Но он помнил все это! Странно! И опять этот сон. Сон и она та женщина, что называет себя его матерью.

Ганик знал, что он подкидыш и возможно она на самом деле его мама. Но где она и кто та женщина, о которой рассказывала ему в тайне, от утопленника отца его приемная мама

Сильвия.

Та странная очень красивая молодая женщина, открыла опять те Небесные двери, и они опять устремились куда-то вниз на огромной скорости и в этом месте Ганик проснулся. Он всегда просыпался в этом месте. Всегда прерывался его этот странный непрекращающийся уже все пять лет сон. Сон с самого практически рождения. Ганик повернулся на бок к лежащим рядом еще маленьким сестренкам.

Они все время спали вместе. Просто у всех была одна большая широкая деревянная и уже старая, как и сам старый дом кровать. Кровать, наполненная соломой. И накрытая старой тканью. С такими же старыми потрепанными одеялами из козьих шкур.

Ганик лежал по одну сторону кровати, его приемная мама Сильвия по другую и сестренки лет пятнадцати Камила и Урсула посередине.

Сильвия спала. Она обняла лежащую под ее боком Урсула и Ганик обнял и прижал к себе Камилу. Он прижался к чернявой кучерявой ее девичьей молодой головке своей черноволосой тоже кучерявой головой.

Ганик не спал. Он думал о своем этом постоянно преследующим его сне и о случае на дороге. Приемная мама Сильвия защитила его. Защитила как своего ребенка. Она была хорошая мама. Хоть Ганику и неродная, но любила его и девчонок его приемных сестренок как никто другой.

— Мама — очень тихо, шепотом, глядя через сестренок на Сильвию, произнес Ганик — Мама. Я люблю вас. Что я только могу для вас сделать? Сделать и изменить хоть как-то вашу жизнь? Мама.

Он думал сейчас, что сделать, чтобы стало им лучше. Он думал о дальнейшей жизни и уже не как совсем ребенок. Сейчас после того у дороги случая, что-то внутри Ганика сработало. Что-то сработало в его сердце и душе, и он почему-то смотрел уже на жизнь по-другому и уже как взрослый мужчина. Что-то произошло, там у дороги. Он стал меняться, а может время подошло ему взрослеть. И Ганик уже не думал как ребенок. Он вдруг отбросил вмиг все игры с мальчишками и решил,

заявляясь хозяйством и рыбалкой как его приемный и покойный утопленник отец Митрий Пул.

Все изменилось за эту ночь. После того как он проснулся. Его детский отстающий от взрослого тела возраст догнал его тело. Он и сам был удивлен, когда начал рассуждать как взрослый мужчина. Сам с собой и лежа ночью в постели.

Кто он? И что с ним происходит?

Может он напугался у той тогда дороги, и что-то сработало в нем в его странном отстающем друг от друга организме. Он первый раз тогда почувствовал на себе опасность. Опасность за себя и за Сильвию, приемную свою маму.

Он смотрел на Сильвию и не мог отвести глаза. Он думал о ней и о погибшем приемном отце Митрии Пуле, которого он не очень хорошо помнил, потому, как тот утонул, когда Ганик еще был совсем маленьким,

и Сильвия растила их троих вот так одна и на том, что у них было с Митрием нажито за годы совместной крестьянской жизни. Это старая уже Коза в старом таком же амбаре рядом с домом и огород. Да еще рыба, которую Ганик теперь сам собирался ловить и приносить вместо отца в дом.

А еще он вдруг задумался о девушках. Да о девушках. Вдруг вот так, открыв глаза и

прижавшись лицом к сестренке Камиле. Вдыхая запах девичьего молодого тела.

Раньше он и не думал о них. О женщинах. Он был как просто малолетний мальчишка. Он избегал деревенских на выдане девиц. Да и они на него смотрели как на недоделанного. Хотя его тело их прельщало и они пытались овладеть Гаником, но как-то у них это слабо получалось. Вернее Ганик от них просто убегал, слыша в спину их издевательскую ругань и смех.

Но вдруг что-то случилось, когда он открыл глаза.

Как-то удивительно и странно, но Ганик перестал за одну ночь быть ребенком. И это его тоже напугало. Напугало самого. Он обнял маму и обеих сестренок и прижался к ним.

— Мама — он снова прошептал Сильвии и закрыл свои глаза — Я люблю тебя мама.

Хароний ехал по Апиевой дороге в направлении деревни Селенфии и дома Ганика. Его цель была найти этого присмотренного им для своей школы будущего молодого и сильного гладиатора. Найти и приобрести любой ценой.

Он Хароний Магма, только об этом и думал всю дорогу.

Он ехал верхом на лошади и вторую вел за собой на привязи. С ним ехали еще двое на лошадях из его дома. Сам эфиоп и учитель гладиаторов негр Ардад и галл по происхождению Мисма Магоний, один из лучших гладиаторов самой школы Харония Магмы.

Хароний похвастался им о том, что нашел свою интересную находку в рыбацкой деревне и вот он вез их как экспертов показать Ганика. Ну и посоветоваться походу движения с ними, стоит такой товар денег, практически любых или нет.

Всадники, одетые в короткие дорожные туники конников в коричнеого цвета калигах и плащах пенулах. С кинжалами на широком поясе, на лошадях скакали по Апиевой дороге к дому Ганика его сестер и приемной матери.

Они торопились. Быстро ехали, лишь поглядывая на покосившиеся распятия кресты на серых выжженных солнцем холмах у дороги и ворон, сидящих на них, которые неунимаясь провожали карканьем каждого по этой каменной дороге.

Хароний Магма узнал у Германика, что Тиберий готовит игры в Риме. И будут бои гладиаторов. В том числе и его Олимпии, как обязательной школы Рима.

Хароний хотел успеть подготовить своего нового бойца к этим играм.

Он быстро оценил возможности физические наглядно Ганика. И остался ими доволен. Теперь надо было его заполучить и успеть хорошо

натренировать в Олимпии. Ну, это дело уже его Ардада и Мисмы Магония. Эти умеют из ничего сделать такое! Сами выиграла множество боев на Арене. Причем на смерть. Так, что ланиста Хароний особо не волновался за будущий свой товар. Ему нужна была только очередная слава на весь Рим как ланисты и за его пределами по всей Римской империи до самых Помпеев и Альп. Слава лучшей школы гладиаторов и слава ланисты, ну и конечно деньги. Много денег.

Хароний Магма был жаден. Особенно до денег. Но когда ему, что-то нужно было он их не жалел и тратил в избытке. Вот и теперь он вез с

собой целый кошель сестерциев за Ганика. Он знал, нужда заставит крестьян взять эти деньги и мать отдаст сына в его школу, чтобы хоть как-то поправить свое нищенское почти состояние и положение как крестьянки.

У Харония Магмы было достаточно гладиаторов для арены Рима, Сивилл, Лукреций Цымба,

Гаридий. Эти трое из пятнадцати гладиаторов не участвовали в играх. Были еще пятнадцать. Их Хароний Магма, почему то не выставил, пустил в расход других. Более молодых и не очень опытных, и они все погибли. Теперь очередь была этих. Еще был один из лучших, которых он постоянно выставлял для боев, был Секутор сириец Ферокл, лет двадцати девяти. Был, наверное, еще и самым молодым из всех в школе Олимпия при Древнем Риме. Но ему нужен был теперь Ганик. Он хотел его Ганика. И любой ценой. И вот Хароний Магма и его трое помощников скакали к его дому.

— Это по твоей как раз части Ардад — произнес Хароний Магма — Ты мечтал воспитать своего, точнее моего, Ритария каким был сам.

— Да сейчас Ритарии в школах редкость — произнес помощник Харония негр эфиоп Ардад. Все предпочитают увидеть на арене все больше меченосцев и владеющих искусно булавой или молотом как наш Мисма.

Мисма посмотрел на Ардада.

— А что плохого в булаве или молоте?! — спросил громко рядом едущий, на вороном коне Мисма Магоний. Под стать рослому почти в два метра черноглазому эфиопу Ардаду, возрастом, лет тоже сорока пяти. Только гораздо ниже ростом. Метр семьдесят пять, но широкий в плечах Мурмелон гладиатор. С синими едкими и злыми всегда хищными глазами. В отличие от Ардада все еще сражающийся на арене, время от времени и любящий это дело. Как и тренировки подопечных. Он отлично владел своими двумя Мурмелона кривыми мечами, равно как и прочим оружием. И мог драться даже одним только своим квадратным большим заточенным с краев щитом, убивая вокруг себя всех, кто осмелился на него напасть. Были моменты, когда он вообще повергал всех противников в ужас, и они бегали по всей арене от него, спасая свою жизнь и прося пощады у римского плебса, но умирали позорной смертью, и их мясо шло на прокорм зверью, как и мясо преступников казненных на арене. Ардад тот уже давно не выступал в качестве гладиатора. Когда-то он тоже был грозой арены, но потом понял, что хватит убивать самому и пора этому учить остальных из числа подопечных гладиаторов. А вот Мисма обожал это кровавое дело. Особенно добивать молотом безнадежных, тяжело и смертельно раненых гладиаторов прямо на арене в качестве Бога смерти. В блестящей театральной маске и черном балахоне до самой земли и своим большим и тяжелым железным молотом. Раскраивая черепа несчастных.

Эта роль была его только ролью по совместительству с гладиаторскими боями, и он никому ее не отдавал. Мисма был просто рожден для арены и не отдавал это первенство никому.

— Ничего Мисма, ничего — вмешался Хароний Магма — Нам просто необходим Ритарий и все — он посмотрел на Ардада, словно, заручаясь его поддержкой.

— Поглядим сначала, кто это такой и на него самого — произнес громким сильным грубым голосом негр эфиоп Ардад — Подойдет он для Ритария или нет.

— Вот и тебе как раз судить Ардад — произнес Хароний — Ты в этом специалист. И если, что, то он весь твой Ардад. Вложи в него все, что сам умеешь как ритарий. Но мне нужен, именно ритарий. Пусть единственный, но непобедимый и знаменитый на весь Рим.

— Я же говорю — произнес серьезно, не глядя своими черными негра глазами, даже на своего хозяина эфиоп Ардад — Посмотрю, сначала на него. Потом скажу.

Хароний Магма посмотрел на своего раба негра Ардада, не очень довольно, но ничего, ни сказал и, переглянувшись с Мисмой Магоном, все трое они поскакали дальше по Апиевой дороге, подымая копытами лошадей с булыжников утреннюю дорожную пыль.

Он незримым призраком скользил по улицам Рима. Он искал его, искал свою цель. Он только этим и занимался.

Миллемид обшарил уже весь город вдоль и поперек. Каждые закоулки древнего города и переходы. Он пролетел мимо главного амфитеатра и ораторских площадей и цирков. Мимо пантеонов мифических богов и триумфальных арок. Мимо площадей с народом идущим туда и обратно.

С Востока на Запад. И прошелся по Югу. Оставалась теперь только северная часть города. Сплошь застроенная низкими жилыми постройками. Разбитыми на кварталы узкие улицы и переходы.

Миллемид искал Зильземира. Он искал того кто был его когда-то другом. Когда-то там на Небесах. Еще до войны. Еще когда Зильзерим был в Небесном мире, мире Бога.

Зильземир тоже его почувствовал, ведь он тоже был ангел и где-нибудь знал Миллемида. И знал, что тот, все равно, его найдет, где бы он не прятался.

Миллемид облетал все кварталы огромного Вечного города. Он искал. Искать того за кем прибыл сюда. Он искал ангела Зильземира. И он кажется напал на его след. Почувствовав его присутствие даже в многочисленной толпе местного римского плебса. Слабый аромат похожий на запах цветов. Тот запах, которым обладали только ангелы. И его присутствие в самом Риме. Осталось только найти пропавшего, и Миллемид нашел верный маршрут. И даже место где тот мог в данный момент прятаться от него.

— Где ты мой друг? — проговорил, вдохнув с наслаждением и жадностью этот знакомый запах Миллемид — Ты нужен мне. Нужен как никогда. И я найду тебя. Все равно найду. И раньше других. Где бы ты, не прятался, и где бы, не был. Я найду тебя Зильземир, красавец мой любимый. Любимец Бога — Миллемид пронесся сквозь главный переполненный народом городской рынок. Мимо городских больших общественных терм. И вышел на главную площадь тоже полную народа.

Он прошмыгнул под солнечными навесами зданий из плотной материи и углубился в узкий переулок. Один из многих переулков Древнего Рима. Мимо низких двухэтажных домов. Почти, однотипных, из камня и глины. С небольшими окнами и заборами с внутренними дворами.

Миллемид пролетел мимо носильщиков несущих, какого то, Римского патриция и вскользь обратил на него внимание. Тот с носилок вел разговор с каким-то знакомым только ему молодым человеком.

Он вдруг почувствовал Зильземира. Возможно, и тот почувствовал его. И чувствуя опасность, мог спрятаться где угодно. Или напасть, откуда угодно. Он ведь был тоже ангел. И будет драться до конца. До смертного конца. Как только почувствует опасность и его Миллемида.

Зильземир боялся всех. Он беглец. Беглец из Рая. И поэтому нужно было его выследить и, кажется, Миллемид напал на его след.

Надо опередить двух других. Гавриила и Арихомида. Пока те ищут не там.

— Вот здесь — Миллемид напал на след — Вот именно здесь — он опустился на землю, снова сложив светящиеся огнем и яркими лучами астральные крылья, и принял снова видимый облик молодого красивого черноволосого брүнета мужчины. С черными, как ночь глазами и длинными черными, вьющимися на невидимом ветру волосами. В светящейся Небесным ярким светом ангельской красивой в звездах и галактиках сутане. Живой из лучистого

астрального света одежде подпоясанной широким в небесных изумрудах и узорах поясом по узкой талии с красивой золотой пряжкой.

— Я чувствую тебя, а ты меня — он произнес громко и его голос раскатился звонким эхом во все стороны длинной уставленной домами улицы.

Он стоял перед входом в один дом. Он нашел его. Но пока стоял у входа и не заходил внутрь. Возможно, Зильземир почувствовал сейчас тоже его и ждет тут в этом доме. Миллемид пока стоял у входа и не заходил во двор. Довольно просторный и широкий хозяйственный дома двор. С той стороны во дворе было слышно мычание коров и блеяние коз, и кудахтанье кур. С виду обычный двухэтажный дом рядового не богатого, но и не бедного римского плебса.

Миллемид поднял правую руку ладонью в сторону деревянных закрытых на входе дверей и раскрыл в стороны все в перстнях с небесными изумрудами тонкие как у девицы пальцы и дверь открылась. Открылась настежь сама медленно, не скрипя и очень тихо.

Он медленно, но уверенно вошел в тот просторный и широкий хозяйственный двор дома. По двору бегали в большом количестве куры. И увидев Миллемида, они разбежались, кто, куда и попрятались в курятниках под специальными закрытыми навесами. Разом как-то замолчали и коровы и козы, и наступила гробовая во дворе тишина.

Миллемид тем же жестом своей ангельской руки, тихо так же закрыл вход во двор, не подымая, совершенно шума. Ворота тихо и беззвучно плотно закрылись, и он повернулся к двухэтажному невысокому дому. Низ, которого был из сложенного неровного на глинистом растворе камня, а верх из обычного дерева. И крыша из черепицы на два ската.

Миллемид по воздуху поднялся на второй сразу этаж дома. Он опустил на дворовый небольшой балкон и вошел в дом под его крышу. Он вошел вовнутрь большой комнаты идущей через весь этаж. Разделенной перегородками из плотной холстяной расшитой в ручную узорами материи.

Кругом стояли деревянные резные стулья и большие столы. Под потолком висел нож. Как оберег от злых духов.

Миллемид огляделся и увидел тех, кто здесь жил. Жильцов практически всех этого дома. Женщин мужчин и их детей, разных возрастов. В длинных и коротких из овечьей шерсти туниках и в простых на тесемках сандалиях.

Кто стоял, кто сидел на стульях у стола. Кто застыл в подвижной позе, будто куда-то передвигаясь. Но все были в состоянии какого-то гипноза и словно крепко спали.

Такое мог сотворить только ангел. И Миллемид это знал. Он и сам так мог. Так как сам был из сонма Небесных ангелов Бога.

— Ты пришел за мной? — он услышал за спиной голос и резко обернулся. Его глаза, черные как ночь сверкнули злобой. За его спиной стоял молодой очень красивый римлянин в короткой белой расшитой узорами из золотых нитей богатой тоге с широким поясом с золоченой пряжкой. Не, как у других здесь находящихся одетых в шерстяную одежду, уснувших под гипнозом горожан римлян. С открытыми, почти целиком стройными голыми ногами в золоченых сандалиях на золотых пряжках, застегнутых на его красивых лодыжках ног и икрах.

Он смотрел на Миллемида синими, как небо широко открытыми обворожительной красоты глазами на миловидном мужском, как и у Миллемида прямоносом утонченном лице. Русоволосый с вьющимися кудрями на миловидного вида лицом голове. На руках его были такие же, как у Миллемида изумрудные перстни. Наряд его был куда более богат, чем у

простых римлян и всего здешнего плебса. Более походил на наряд из дворцовой знати. Тога трабея из пурпурной материи с золотыми полосами. Поистине царский наряд.

— Я ждал своего убийцу — произнес светловолосый молодой римлянин — Но не думал, что им будешь ты.

Миллемид молчал, только сверкнул черными наполненными злобою глазами. Он стоял напротив Зильземира, расправив за спиной огненные яркие из астрального ослепительного света большие крылья. Его одежда вся светилась, и на ней двигались звезды и галактики.

Миллемид молчал. Он смотрел глазами полными не только злобы, но еще и какой-то обиды на своего противника, которого долго искал, как и другие ангелы.

— Хорошо устроился — произнес, вдруг неожиданно, сдавленным злобным голосом Миллемид — Соседи не беспокоят? Вы тут друг другу не мешаете? Или тебе их совсем не жалко? Не похоже это на Зильземира.

— Они просто крепко спят — ответил спокойно и не громко Зильземир — До твоего появления они все бодрствовали и я им не мешал. Я был рядом, но они меня и не чувствовали. Сейчас просто спят и все. Зачем им видеть нас и слышать все, что ты мне сейчас наговоришь.

— Вот как! До этого не видели и не слышали, а теперь все услышат и увидят! — произнес, как бы удивленно, все тем же голосом Миллемид — Приятно слышать. Ты способен никого здесь ни беспокоить. Чего не скажешь о Небесах.

— Да это возможно — произнес Зильземир — Ты вторгся в мой предел и нарушил состояние моей земной тайной обители.

Миллемид сделал несколько шагов в сторону противника — Живешь у них на подселении. Проще говоря, на шее.

— Нет, я их ни сколько не беспокою. И они меня — произнес все тем же тихим, сдержанным и спокойным голосом Зильземир — Просто живу с ними рядом.

Миллемид подошел еще ближе, но Зильземир даже не отступил. Миллемид всмотрелся своими черными светящимися светом мести, наполненными гнева глазами в синие как ясное дневное небо глаза Зильземира. Глаза, наполненные невинности и доброты. Их томный взгляд с горящим изнутри ярким светом пронзил снова небесной любовью наполненный обидой и злобой взор Миллемида. Он осмотрел противника с довольно красивых оголенных почти целиком мужских стройных ног в золоченых сандалиях с золотыми пряжками. До довольно красивого молодого лица этого внимательно смотрящего на Миллемида своими синими, как океан глазами мужчины.

— Как всегда безобиден, и мною любим — произнес уже тише и спокойнее Миллемид — Сама невинность и любовь. Зильземир любимец Неба и самого Бога. Я думал, увижу старика, а увидел почти мальчика. Красивого мальчика. Красивую безобидную и безгреховную личину. Так ли это? Здесь на земле время совсем течет по-другому, чем среди звезд. Я вижу ты, такой, как есть. Все еще молодой и губительно красивый. Мой Зильземир.

— Ты не хуже, любовь моя — ответил Зильземир — И по-прежнему мною любим и любимым останешься всегда. Между мною и Богом.

— Вот как! — удивленно произнес громко и раздраженно Миллемид — Ты понятия не имеешь, как страдал я! Когда тебя сбросили вниз с Неба! Ты не знаешь, как я тебя любил! И люблю до сих пор! Не смотря на гибель своего брата Геромида! Он заступился, как некоторые

из нас за тебя

Зильземир перед самым Богом и были просто убиты! Ты понимаешь, что это значит! Значит, для меня потерять своего брата Геромида!

— Прости меня любимый! — произнес горьким сочувственным голосом Зильземир — Но я есть то, что я есть. И другим мне не стать. Прости и сделай то, зачем пришел. Я готов к смерти.

Глаза черные как ночь сверкнули Миллемида — Заткнись! Хватит о любви Зильземир! Твоя любовь привела к войне между нами! Так, что хватит и замолчи! Твоя такая вот любовь к самому Богу дорого обошлась нам всем и особенно моему брату Геромиду! Он умер, защищая тебя Зильземир! Как и Аббесинопод и Меорг, Вуаленфур и Апполишпурис! И ты его, и их всех убийца!

— И ты пришел, чтобы отомстить мне за него и за всех их — тихо также как и раньше произнес ангел Зильземир — Отомстить за Геромида и погибших моих братьев и сестер.

— Заткнись! — снова прокричал громко и злобно Миллемида — Не смей даже произносить его имя! По твоей вине он погиб Зильземир! Как и многие из нас!

— Так заberi мою в отместку жизнь Миллемида — произнес очень молодой красивый светловолосый мужчина в короткой серебрящейся чистой, как небо белизной материи тоге. Затянутой довольно туго. На гибкой тонкой талии золоченным узорчатым поясом. С голыми стройными ногами в золотых сандалиях. Он положил крест, на крест, руки на своей груди ладонями. Широко раскрыв тонкие, как и у ангела Миллемида, похожие на женские, пальцы. В перстнях в небесных сверкающих красотой изумрудах — Вот заberi мою жизнь. И я даже не стану сопротивляться. Лишь моя к тебе любовь останется вечной, и я буду любить тебя всегда Миллемида. И оставь моего мальчика. Прошу тебя не трогай его и защити Миллемида. Ради нашей в прошлом любви — он повысил голос, произнося — Молю тебя Миллемида! Он Божий сын! Не трогай его! Он совершенно не виноват в любовных грехах своей матери!

Зильземир сделал вперед тоже шаг, навстречу Миллемиду — Я весь твой Миллемида, только мальчика моего не трогай, он не причем! Гнев Божий велик и он настиг и это безвинное создание! Я его мать и отвечу за все перед вами, но только не он! И я не прощу никому его смерть! Никому даже самому Богу!

Миловидное лицо Миллемида изменилось, видя отчаянное выражение лица Зильземира, и сделалось вдруг иным. Черные как ночь глаза, только, что мечущие искры лютого гнева, сменились на милость — Жертва — произнес тихо Миллемида — Снова жертва. Жертва ради жизни. Даже среди

ангелов. Брось Зильземир — уже успокоившись, и видимо этого и желающий услышать, ангел Миллемида вплотную подошел к молодому русоволосому мужчине. Подошел совсем вплотную, чуть ли не касаясь его светящейся из лучей света ангельской одеждой. Он взмахнул огромными из лучей света крыльями — Смерть ради жизни. И так всегда. И так был сотворен весь этот мир — он вздохнул всей грудью — Жертва.

Мужчина опустил свою русую голову, чуть ли не касаясь правого плеча ангела Миллемида. Он плакал. Плакал навзрыд и слезы его капали на одежду Небесного ангела. Превращались в новые звезды и галактики на длинной до самого дощатого пола в верхней комнате дома небесной звездной живой тоге Миллемида.

— Я виноват перед вами мои братья и сестры Неба — произнес, рыдая Зильземир.

— Брось Зильземир — произнес Миллемид — Ты все еще такой же, каким был всегда. Ты невинен и гоним, как и твой сын. Брось лить слезы, я пришел, чтобы спасти тебя, а не убивать ни тебя, ни твоего сына. Ты нужен Богу

и он послал меня за тобой Зильземир. Так сказал Михаил и отправил меня к тебе и Отец наш ждет тебя у своего Небесного Трона — Миллемид положил свои в перстнях руки на плечи Зильземира — Любовь ради жизни. Гавриил бы с Архиомидом это бы не поняли. Они привыкли

рубить все с плеча и тупо выполнять команды и приказы Отца нашего — он схватил теми пальцами Зильземира за его человеческие молодого красивого русого мужчины плечи и прижал к себе. Обняв его крепко за спину — Брось Зильземир. Ты всегда был таким нежным и слабым. Ты женщина Зильземир и всегда будешь ею. Ты мать и только настоящая мать может так умолять и защищать жизнь своего ребенка. Жертвуя собой ради его жизни. И еще тебе не идет это тело и облик мужчины. И ты сам это знаешь Зильземир. Ты сам больше женщина, чем мужчина в душе Зильземир. Вернись в то, кем ты был рожден.

Зильземир мгновенно принял облик невероятно красивой молодой женщины. С очень длинными чуть ли не до пола вьющимися по ее гибкой спине и тонкой талии русыми волосами. Не той нищенки, в оборванной серой запыленной и грязной одежде бродяжки, которую видела приемная мать Ганика Сильвия. Это был ангел невероятной небесной божественной красоты. В таком же светящемся из парящих галактик и звезд в живом, сотканном из небесного яркого света наряде. Подпоясанным таким же широким из звездной пыли с неземными изумрудами поясом. Теперь ангел держал свои женские руки на своей трепетной в страстном любовном дыхании тяжело дышащей женской груди. Прижав их плотно раскрытыми ладонями и тонкими на всех широко раскрытых в перстнях с изумрудами, как и у ангела Миллемида пальцах.

Распустив огромные, как и у Миллемида светящиеся ярким астральным огнем крылья. Сверкнув ярким светящимся синим светом синих горящих глаз, Зильземир отвел в любовной застенчивости перед стоящим рядом с ним другим ангелом свой взор. В сторону, потупив его в деревянный пол дома.

— Так лучше? — спросил он тихо, словно стесняясь Миллемида.

— Намного Зильземир — Ответил Миллемид восхищенный снова красотой Зильземира — Я завидую Богу Зильземир — произнес Миллемид, восторженно любовно вздыхая и не отводя горящих ярким тоже огнем своих глаз, перехватив руки на гибкой талии ангела любовника. Миллемид прижался вплотную к Зильземиру, прижимая за пояс его своими руками к себе. Он схватил, правой рукою за длинные волосы Зильземира. Прижал его красивую до безумия женскую голову к своей щеке щекой. И они оба приподнялись, размахивая огромными крыльями, и засветились астральным ярким лучистым светом, растворяясь в нем телами. Распустив свои длинные светящиеся волосы на незримом ветру, подымая все практически, что в доме. Вокруг сидячих и стоящих в гипнотическом сне находящихся здесь людей. Стулья и столы. Посуду на них. В вихре вокруг себя.

Это все летало быстро, не задевая ни кого и ни чего вокруг них в невидимом воздушном энергетическом вихре.

Миллемид прижался головой к голове Зильземира. А тот положил ему руки на плечи и обнял Миллемида за его ангела шею и прижался плотно женской щекой к мужской щеке своего в

прошлом любовника.

— Он ждет тебя — громко сказал Зильземиру Миллемид, размахивая, как и тот огромными своими из лучистого астрального ни холодного и ни горячего света крыльями — Он все простил. Он простил тебя Зильземир любимый — его голос эхом разносился по верхнему этажу римского дома.

Вибрируя на разных тонах в незримом узком и тесном пространстве жилища.

Миллемид дышал тяжело и любовно, прижимая к себе любимую — Он хочет вернуть тебя себе. И я успел тебя найти раньше Гавриила и Архиоида. Я их обманул ради твоего спасения любимая — он ласково и тихо шептал Зильземиру в ухо, прижимаясь нежно к нему губами — Я отправил их по ложному пути. Все ради тебя любимая.

Зильзерим прижался еще сильнее к Миллемиду, обхватив руками его род развивающимися черными длинными волосами шею.

— Он, правда, хочет меня вернуть? — произнес, страстно лепеча на разных голосах, ангел Зильземир — Он хочет вернуть меня именно сейчас?

— Да Зильземир — сказал громко Миллемид — И чем быстрее, тем лучше любимый.

— А мой сын? Его сын Миллемид? Он же как? Он ему не нужен? — произнес взволнованно Зильзерим — Я его не могу здесь оставить одного. Здесь время течет по-другому. Он погибнет один здесь и без меня. Умрет как человек. Умрет без моей поддержки Миллемид.

— Он сейчас хочет видеть только тебя. Только тебя Зильземир — произнес Миллемид. О сыне речи не было. Тебе надлежит предстать пред Богом и молить за своего сына. Иначе его не вернуть с земли.

— Сжался надо мной Миллемид! — взмолился громко ангел Зильземир — Это жестоко! Это невероятно жестоко! Почему он так поступает?! Поступает со мной?! Это плата за мою преданную к нему любовь?! Или ему не нужен мой сын?! Его сын?! Чистокровный ангел, как и я?!

— Он хочет видеть только тебя Зильземир — произнес Миллемид — Только тебя и никого сейчас другого.

— Мальчик мой! — застонал от горя ангел Зильземир — Он ничего ни сделал такого! За что его можно было бы бросить на земле!

— Не бойся Зильземир. Мой любимый — произнес Зильзериму ангел Миллемид, обнимая его — Судьба твоего сына и сына Бога predetermined. Бог позаботится о нем. Но не сейчас. Ты вернешь его. Но не сейчас. Он разрешит его вернуть, когда пройдет время. Сейчас он хочет только тебя видеть Зильземир.

Миллемид обхватил еще крепче за женскую гибкую талию Зильземира — Ты дорог мне не меньше, чем самому Богу. А о твоём сыне, как и о моем брате, поговорим позднее. Идем, он ждет. Нет времени Зильземир — Миллемид прижался снова своими жаркими ангела любовника губами к уху Зильземира — Он хочет только тебя сейчас видеть. Пока Археомид и Гавриил в поиске. И сам знаешь, эти двое не любят долго думать и что-либо обещать. Они сразу рубят, только головы летят.

— Мой сыночек! Я вернусь за тобой мальчик мой любимый! — сверкая ярким лучистым светом горящих уже синих глаз, проревел громко не своим голосом Зильземир в объятьях Миллемида, окутываясь, как и он, тем ярким астральным все поглощающим светом. Превращаясь в светящийся шар и издавая низкий гудящий громкий звук. Пугая во дворе дома все живое и излучая во все стороны яркий ослепительный свет, этот шар, прорезав

пространство и время, исчез в вихре поднятой вокруг мебели дома. Роня с шумом ее на пол между сидящих во сне жильцов плебеев этого римского дома. Пробуждая их всех из сонного оцепенения. Под бляние во дворе коз и сумасшедшее мычание коров, кудахтанье носящихся в суматохе по широкому двору перепуганных до смерти кур.

Переглядываясь друг на друга, они так и не поняли, что с ними произошло, но поняли, что произошло, что-то досель невероятное.